

Copyright © 2017 by the Kalmyk Scientific Center of the Russian Academy of Sciences

Published in the Russian Federation
Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities
of the Russian Academy of Sciences
Has been issued since 2008
ISSN: 2075-7794; E-ISSN: 2410-7670
Vol. 30, Is. 2, pp. 44–54, 2017
DOI 10.22162/2075-7794-2017-30-2-44-54
Journal homepage: <http://kigiran.com/pubs/vestnik>

UDC 811.512.37

The Directional Case in Kalmyk (Evidence from the Epic of ‘*Jangar*’)

Evgeniy V. Bembeev¹, Tsagan D. Mandzhieva²

¹ Ph.D. in Philology (Cand. of Philological Sc.), Senior Research Associate, Department of Mongolian Philology, Kalmyk Scientific Center of the RAS (Elista, Russian Federation). E-mail: galdma@yandex.ru.

² Laboratory Assistant, Department of Mongolian Philology, Kalmyk Scientific Center of the RAS (Elista, Russian Federation). E-mail: mandzhieva.96@mail.ru.

Abstract

The article considers the use of the directional case with evidence from multi-temporal records of the Kalmyk heroic epic of *Jangar*. The language of the epic — oral-poetic by nature with its certain impact in the development of the national literary language — definitely reflects the living colloquial language at the time the epic songs were recorded and, thus, preserved. The language of the epic comprises both new forms and some archaic features that stand for a certain stage of language development. The analysis of multi-temporal *Jangar* texts reveals that within the early records (the first half of the 19th century) the directional case formant *-ur/-ür* was not used. This is supported by some data on Kalmyk grammar issued at approximately the same time. However, A. Bobrovnikov points out special particles *-γur*; *-gür* (*-uur*; *-öür* in Kalmyk and colloquial Mongolian) and defines their functional-semantic meaning as ‘the one describing the path to follow or line of action’. Along with this, we have also examples of an affix etymologically similar to that of the directional case and initially found within adverbs semantically denoting the direction of motion or place. The directional case as such was first mentioned in the *Grammar of Colloquial Kalmyk* by V.L. Kotwicz. Records of the first half of the 20th century (the epic cycle of Eelyan Ovla, epic cycle of taleteller Mukebyun Basangov, epic cycle of taleteller Dava Shavaliyev, a song from the repertory of Badma Obushinov) already contain forms of the directional case (*-ur/-ür*) in nominative parts of speech. Besides, the directional affix is often followed by possessive markers (*-n/-n*). Of special interest is the fact that there is an adverbial suffix (*-uur*; *-öür* in Kalmyk and colloquial Mongolian) etymologically similar to that of the directional case (*-ur/-ür*) and semantically denoting the direction of motion or place. We may conclude that during the formation of the directional case there were two mutually approaching processes: the adverbial suffix (*-uur*; *-öür* in Kalmyk and colloquial Mongolian) semantically merged with the postposition-adverb *uruyu* → *uru* → *ruu* (*rüü/luu/lüü*) → *uurp* (*üür*) ‘downwards, towards’. Thus, it can be concluded that the directional case took its final form in colloquial Kalmyk at the turn of the 19th–20th centuries, absorbing some functions of the dative-locative and instrumental cases; it was also accompanied by decrease in the use of the postposition *tal* ‘towards’.

Keywords: *Jangar* epic, declension, directional case.

Падежные формы в монгольских языках выработались в процессе исторической эволюции, которая выражалась, с одной стороны, в усложнении языка в результате грамматикализации и размытия физических оболочек служебных слов, а с другой стороны — в упрощении отдельных уровней и подуровней языка. Процесс этот затрагивает все аспекты естественного языка, поэтому с момента зарождения научного монголоведения вопросы, связанные со склонением имен, интересуют умы ученых. В данной статье рассматривается употребление направительного падежа на материале калмыцкого героического эпоса «Джангар». Язык эпоса представляется интересным в том плане, что это, прежде всего, язык устно-поэтический, развивавшийся параллельно письменному (книжному) калмыцкому языку, поэтому он представляет интерес не только потому, что он влиял на становление норм национального литературного языка, но и потому, что он отражает в определенной мере живой разговорный язык на момент записи и фиксации песен эпоса, являясь важным источником изучения истории калмыцкого языка. Но вместе с этим в языке эпоса наряду с новыми формами нередко имеют место и архаические черты, которые отражают определенный этап развития языка.

Падежные формы и их семантика в калмыцком языке специально рассматривались в работах Б. Х. Тодаевой [1946; 1960], С. М. Трофимовой [1984].

Как известно, в системе склонения имен монгольских языков направительный падеж считается одним из поздних. В старописьменном монгольском языке [далее — СПМЯ] Г. Д. Санжеев различает 9 падежей: именительный, родительный, винительный, дательно-местный, местный, исходный, орудный, совместный, соединительный [Санжеев 1964: 62–66]. Исследователь памятника письменности классического письменного монгольского языка XVII в. «Алтан Тобчи» М. Н. Орловская также выделяет 9 падежей: именительный, винительный, родительный, дательно-местный, местный, исходный, орудный, совместный и соединительный [Орловская 1984: 21]. По мнению ученых-монголистов, образование аффикса направительного падежа восходит к послелогу-наречию *ириуи* → *уру* → *руу* (*руу* / *луу* / *лүү*) → *уур* (*үүр*) 'вниз, по направлению к [по]' [Санжеев 1953: 175; Бер-

тагаев 1961: 8]. В СПМЯ послелог-наречие *ириуи* писался отдельно от слова, не зависел от гармонии гласных, от открытости и закрытости основы слова. М. Н. Орловская считает, что послелог *ириуи* «употребляется для обозначения передвижения вниз» и в качестве послелога управляет основой [Орловская 1984: 198]. Она также считает, что «в современном языке послелог *ириуи* грамматикализовался в падежный показатель *руу* / *луу* (направительный падеж), с подчинением закону гармонии гласных и чередованием начальных *p~л* в зависимости от конечного звука основы (*л* употребляется после основ на *-p*)» [Орловская 1984: 198]. Необходимо отметить, что у послелога *ириуи* имеется антоним *ögöde* / *ögede*, обозначающий направление движения вверх ('по', 'к') [Санжеев: 1964: 226; Орловская 1984: 198]. Известный исследователь старописьменного калмыцкого языка Д. А. Павлов также, ссылаясь на мнение Г. Д. Санжеева, считает, что «в калмыцком языке не было направительного падежа. Появление этого падежа <...> связано с переходом послелога *уру:* (*пу*) в аффикс падежа (*ур* / *үр*): *хол* → *холур* 'к реке' [Павлов 1976: 33].

Рассматривая историю изучения собственно калмыцкого языка, необходимо отметить, что уже в первых грамматиках строй калмыцкого языка получил довольно полное освещение, особенно в отношении таких разделов, как фонетика и морфология. Собственно первая «Грамматика калмыцкого языка» обязана своим появлением профессору Казанского университета А. В. Попову [1847]. Автор подробно раскрывает систему склонения калмыцкого языка, отмечая, что в зависимости от окончания основ слов «существительные имена <...> разделяются на три склонения» [Попов 1847: 43]. Он выделяет восемь¹ падежных форм: именительный (основа слова), родительный, отделительный, дательный или местный, винительный, звательный, творительный инструментальный, творительный совокупительный [Попов 1847: 49–50]. Необходимо отметить, что автор грамматики приводит не только устоявшиеся книжные формы падежных окончаний, но и разговорные, как он их называет, «про-

¹ Автор в параграфе 70 ошибочно указывает, что в калмыцком языке имеется 9 падежей, хотя ниже он рассматривает и приводит примеры склонений только восьми падежных форм [Попов 1847: 49].

сторечные», формы. А. В. Попов не выделяет направительный падеж, но здесь интересно его замечание, касающееся наречий места. Помимо собственно наречий, семантически выражающих направление движения, — *inaqši, inaqšida, inaru, nāru* ‘сюда’; *činaqši, činaqšida, cāru* ‘туда, далее’; *dēre, dēqši, dēqšide, dēgür* ‘наверху’; *ödö* ‘вверх’ и т. д., он причисляет к наречиям места «особенный вид наречий, выражающих направление и способ движения предмета», которые образуются из имен существительных в творительном инструментальном и дательном падежах, отвечающих на вопросы *куда?* или *где?*, например: *dalai* ‘море’ — *dalayiyār* ‘море (по морю?)’, *aru* ‘зад’ — *aruyār* ‘задом’, *ger* ‘дом’ — *gerte* ‘домой’ [Попов 1847: 179–181].

Автор следующей «Грамматики монгольско-калмыцкого языка» А. Бобровников подробно рассматривает систему склонения имен, выделяя 7 падежей: именительный (основа слова), родительный, винительный, исходный, местный, творительный, соединительный. А. Бобровников указал еще на два редко употребительных падежа: падеж, назначенный для показания меры в высоту по частям тела живых существ, и звательный падеж. Как и автор предыдущей грамматики, А. Бобровников не выделяет направительный падеж. Вместе с тем в главе III «Частицы», выделяя «частицы особенного производства», он пишет, что «кроме склонения для производства частиц употребляются еще следующие окончания: 1) *-yur; -gür* (в калмыцком и разговорном монгольском *-uur; -öür*)» [Бобровников 1849: 192]. Описывая функционально-семантическое значение данного окончания, автор отмечает, что они образуют частицы, «описывающие путь, по которому совершается движение или образ совершения действия. Корнями этих частиц служат имена и корни частиц, имеющих форму местного падежа. Например: *tügürigöür* ‘кругом’ от *tügürig* ‘кружок’; *dēgüür* ‘поверху’ от *dēre* ‘наверху’; *хоуіууур* ‘в последствии, позади’ от *хоуіно* ‘после’; *хāууур* ‘по каким местам’ от *хатіуā* ‘где’; *нāууур* ‘по здешней стороне’ от *nādu* ‘по сю сторону, ближе’; *сāууур* ‘по той стороне’ от *cāna* ‘по ту сторону, далее’» [Бобровников 1849: 192]. Помимо данных окончаний, автор указывает на аффиксы *-qši* и *-ši*, посредством которых производятся «частицы», также семантически показывающие направление движения. На-

пример: *inaqši* ‘сюда’; *doroqši* ‘вниз’; *cāši* ‘туда, прочь’ [Бобровников 1849: 192–193].

Известный исследователь монгольского языка М. Н. Орловская считает, что послелог *degegür* ‘поверх’ образован от основы *dege=* и наречного суффикса *=gür* (ср. также *qoyina* — *qoyi=* + *=yur*) [Орловская 1984: 197, 200].

Таким образом, авторы первых двух грамматик не выделяют направительного падежа при склонении имен. Вместе с тем А. В. Попов опосредованно (указывая на наличие наречия *dēgür* ‘наверху’), а А. Бобровников прямо (выделяя окончание *-yur; -gür*; в калмыцком и разговорном монгольском *-uur; -öür*) выделяют формант *-uur; -öür*, который семантически указывает направление движения. Однако эти форманты используются только для образования наречий («частиц» по А. Бобровникову). Необходимо также отметить, что эти две грамматики в основе своей построены на книжном калмыцком и монгольском языках, где в первую очередь приводятся книжные формы той или иной парадигмы. Вместе с тем, авторы старались в некоторых случаях приводить и разговорные («просторечные») формы.

В отличие от вышеуказанных работ, В. Л. Котвич поставил задачу «составить краткий очерк грамматики калмыцкого разговорного языка» на основе живой речи калмыков [Котвич 1929: VII]. Рассматривая парадигму склонения имен калмыцкого языка, В. Л. Котвич различает 10 падежей: именительный, звательный, родительный, дательный, винительный, исходный, творительный, соединительный (две формы), *направления* и предельный [Котвич 1929: 147]. «Падеж направления, — пишет автор, — обозначает предмет, по направлению к которому совершается движение. Для образования его употребляется приставка *-uur; -үүр: ац — ацуур; цаг — цагуур*» [Котвич 1929: 160]. Кроме этого, интерес вызывает замечание В. Л. Котвича, касающееся «особых приставок» — *тал* ‘в сторону, по направлению к’; *дёрә* ‘на, над’; *донр* ‘внутри, в’. В частности, он предполагает, что «со временем здесь образуются новые падежи, но пока признать эти наречия падежными приставками мешают два обстоятельства: 1) они употребляются еще и в значении самостоятельных слов и 2) не подчиняются закону гармонии гласных» [Котвич 1929: 195–196].

Таким образом, в своей работе, которая была подготовлена в 1915 г. и издана в 1929 г., В. Л. Котвич выделяет направительный падеж в системе склонения калмыцкого языка. Это объясняется тем, что в живой разговорной речи калмыков уже, возможно, этот падеж широко использовался в именных и субстантивированных словах.

В «Грамматике калмыцкого языка» 1940 г. Г. Д. Санжеев также отмечает наличие направительного падежа в системе склонений калмыцкого языка. «Имена в направительном падеже, — пишет он, — имеют окончания: 1) *-ур* или *-ур* (по гармонии гласных), если они оканчиваются на любой согласный, кроме *н*, или редуцированный гласный, в письме не обозначаемый, и 2) *-hur* или *-hur* (по гармонии гласных), если они оканчиваются на любой долгий гласный и заднеязычный *н*» [Санжеев 1940: 48].

В 1966 г. Б. Б. Бадмаев в «Грамматике калмыцкого языка» выделяет 9 падежей: именительный, винительный, родительный, дательно-местный, творительный, совместный, соединительный, исходный и направительный [Бадмаев 1966: 28].

В нормативной грамматике калмыцкого языка отмечается наличие 11 падежей: именительный, винительный, родительный, дательно-местный, исходный, орудный, совместный, соединительный, направительный, а также два редкоупотребительных (звательный и предела) падежа [Грамматика 1983: 102].

Исследователь литературного ойратского языка XVII в. Н. С. Яхонтова выделяет 8 падежных форм: именительный, винительный, родительный, дательно-местный, исходный, орудный, совместный и соединительный падежи [Яхонтова 1996: 44]. Анализ калмыцкого языка XVIII в. на материале деловых писем, выполненный Д. А. Сусеевой, также указывает на наличие 8 падежных форм: именительный, родительный, дательный, винительный, творительный (орудный), совместный, соединительный, исходный [Сусеева 2011: 89].

В современном калмыцком языке направительный падеж образуется с помощью аффиксов *-ур* / *-ур* / *-hur* / *-hur* / *-gur* / *-gur*, который присоединяется к основе слова в зависимости от конечной буквы. Этот падеж указывает на направление действия и отвечает на вопрос *кенур?* ('в направлении кого?') *юнур?* ('в направлении чего?'). Основные значения направительного падежа следующие: 1) обозначает лицо, предмет,

к которому направлено действие; 2) обозначает пункт назначения действия; 3) может выражать обстоятельство времени при наличии в предложении временных слов и глаголов движения. Несмотря на тот факт, что к направительному падежу перешли некоторые функции дательного-местного падежа, связанные с внешней стороной направления, значения, связанные с обозначением места нахождения или приближения, сохранились за дательным-местным падежом [Грамматика 1983: 131].

Таким образом, анализ грамматик калмыцкого языка показывает, что первое упоминание о направительном падеже мы находим в грамматике разговорного калмыцкого языка В. Л. Котвича. Можно предположить, что окончательно направительный падеж сформировался в разговорном калмыцком языке на рубеже XIX–XX вв.

Рассматривая употребление направительного падежа на материале текстов калмыцкого героического эпоса «Джангар», необходимо отметить разновременной характер записи циклов песен или отдельных песен (вторая половина XIX – вторая половина XX вв.), их диалектные особенности, разные школы исполнительского мастерства джангарчи и т. д. В настоящее время сформирован корпус текстов, состоящий из 28 песен. Для удобства мы решили разделить их по временному критерию:

- I. Ранневременные записи: Малодербетовский цикл (3 песни, записаны в 1862 г.), Багацхуровский цикл (3 песни, записаны в 1854–1862 гг.);
- II. Записи первой половины XX в.: эпический цикл сказителя Ээлян Овлы (10 песен, магтал, записаны в 1908 г.), эпический цикл сказителя Мукебюна Басангова (6 песен, записаны в 1939 г.), эпический цикл сказителя Давы Шавалиева (4 песни, магтал, записаны в 1939 г.), песни из репертуара Бадмы Обушинова (1 песня, записана в 1901 г.);
- III. Поздневременные записи Насанка Балдырова (1 песня, записана в 1966 г.).

I. Ранневременные записи, к которым можно отнести Малодербетовский цикл (3 песни) и Багацхуровский цикл (3 песни) не обнаруживают употребление направительного падежа. Направление действия выражается посредством употребления дательного-местного или орудного падежей, а также послелогов *тал* 'по направлению, к', *өөд* 'по направлению вверх, к', наречия *уру* 'вниз по направлению'. Например:

Малодербетовский цикл	
<i>Долда Зеерд ажршта, Ажрхин ууһн үрн — Дольһрхн сээхн Зеердиг Дуут Жаһрхин өргэ тал зөрүлэд һарв.</i>	С жеребцом Долда-Зерде [во главе], Жеребца [того] был он первенцем. Испытанного [скакуна], красавца Зерде Славного Джангара ко дворцу повели.
<i>Гунхн Улан Шовшур гижэ нер өгв. Нарн һархин зүн үзүг тал Аһһучлэж йовтл, Күчтэ күлгин тоосн һарв.</i>	Трехлетним Алым Шовшуром его нарекли. От восхода солнца по левой стороне Охотился он, когда От могучих <i>кюлюков</i> [туча] пыли поднялась.
<i>– Бидн энд бээдг Нарн Гүшиг Зандн хаани бодңгуд билэ бидн, Нарн һархин барун үзүг тал бээдг Шар холын һурвн хаани Алв авад, хэржэ йовна бидн.</i>	– Мы здешней страны, Наран Гюшиг Зандан хана богатырями были, От солнечного восхода по правой стороне живущих С трех ханов шарайгольских Собрав дань, возвращаемся.
<i>Тавиң Зандн уулын өргэр Өөд дүүвр Зеерд һарад ирв.</i>	Плосковерхой сандаловой горы Тавцанг Зандан Гордый Зерде на вершину его вынес.
<i>Хээрхн Цаһан уулын өргэр Өөд һарад ирв.</i>	Священной белой горы Цаган К вершине он поднялся.
<i>Махн көөрэд, болад ирхин алднд Хойр көвүн уру хэлэхэд, Өөдән хэлэхин заагт Махн чиг уга, Эмгн чиг уга болад одв.</i>	Мясо пениться-поспевать как стало, Двое молодцов только вниз Да вверх глядь-поглядь — И мяса как не бывало, И старуха [бесовка] пропала!

Багацохуровский цикл	
<i>Дала замбин бичрнь Самбл сууһин салькнд дээвлхдән Далн тавн теңгрин аһар тал «Дар[а] эк», «Сидди» номин айсар яңлдв.</i>	Густая листва, когда шумела на ущельном ветру, самбал [называемом], К обители семидесяти пяти <i>тенгриев</i> , возносящемуся молебному пению «Дара эке» и «Сидди» подобно шелестела.
<i>Ут зандн модни Улан шар бичрнь Оһтһу тал савихдан</i>	Высокого сандала Красно-жёлтые листья, Когда к небу тянулись...
<i>Хурдн Алгарн аду өөд одв.</i>	На резвом Алаге своём к табуну поскакал.
<i>Нээмн миңһн сорнц сорлһ усни йорал өөд сорна.</i>	Восемь тысяч водоворотов тянут ко дну .
<i>Түрг уру татжэ уһһаһад, Нурһн деернь сарвлзгч хойр һаринь күлв.</i>	Стянув его вниз , ничком уложив, На спине раскинутые руки ему связал

В ранневременных циклах довольно часто используются послелого, образованные путем прибавления наречного суффикса *-ур, -үр, -һур, -гүр*. Посредством

этих послелогов также осуществляется управление именными формами для выражения пространственных отношений. Например:

Малодербетовский цикл	
<i>Өндр күлгин дораһур, Боһни күлгин деегүр Еңсг сээхн толһаг ялмн сээхн хаадан авв.</i>	Под высокими кюлюками , Поверх маленьких [невысоких] кюлюков перемахивая], Как стройная [песня] ладную, голову, Как у тушканчика, [точеным] красивым, к передним ногам пригнул.
<i>Үүдтин дораһур, Өрктин деегүр сунад одв.</i>	Под дверными низами [юрт], Над дымниками [юрт] вытянулся [конь в прыжке].
<i>Нэрн цаһан хавсн заагур Нээтг улан холднь күргэд, Холькад одв...</i>	В промежутке тонких белых ребер его Трепетную алую основу [жизни его] поразил... [Копье в ней] раскачал–провернул.

Багацохуровский цикл	
<i>Уулын дүңгэ цаһан дольган дотраһур</i> <i>Орад өөмэд одвл...</i>	В белые волны, с гору высотой, Друг на друга накатывающиеся, Войдя, он поплыл...
<i>Сай жува цахрин дотраһурнь</i> <i>Зарли зэрлг болад йовхлань...</i>	Когда по многолюдному сахару [хотону] , Выведывая, расспрашивая, он проезжал...
<i>Сарул сээхн тала дотраһур</i> <i>Сээхн Зеердин аминь эргүлэд,</i> <i>Аашна гинэл.</i>	Прекрасного Зерде повернув, По светлой прекрасной равнине Едет он [Хонгор], говорят.

II. В записях первой половины XX в. (эпический цикл сказителя Ээлян Овлы, эпический цикл сказителя Мукебюна Басангова, эпический цикл сказителя Давы Шавалиева, песня из репертуара Бадмы Обушинова) большая часть пространственных отношений также выражается посредством употребления дательного-местного или орудного падежей, послелогов *тал* 'по направлению, к', а также спорадически — с помощью наречия *уру* 'вниз по направлению', *өөд* 'по направлению вверх, к'. Например:

Эпический цикл сказителя Ээлян Овла	
<i>Эн Эрклуһин Мөңгн Цаһан уулын</i> <i>Ар тал бээһич</i> <i>Хойр мөртэһэн», — гинэд...</i>	«Ты со своими двумя конями Будь на северной стороне Серебристо-белой горы Эрклю», — [Хонгор] сказав...
<i>Зуран экн тал бээдг</i> <i>Зун нээмн хоңхинь зүүв,</i> <i>Күзүн тал бээдг</i> <i>Күрл нээмн хоңхинь зүүв.</i>	[По бокам] крупа подвесил Сто восемь бубенцов, На шею повесил Восемь бронзовых бубенцов.
<i>Арвн хойр сүрэнһ*</i> <i>Амн өөд деврэд...</i>	Двенадцать отваг Стали [грудь] распирать [<i>букв. через рот</i> выходить]...
<i>Әәрстин хар елдцгәр</i> <i>Толһа өөднһ дарад одвл...</i>	[Хонгор] ударил [Монхля] по голове Скрученной черной плетью...

Эпический цикл сказителя Мукебюна Басангова	
<i>Бумбин орн гидг орта</i> <i>Богд Жаңһр гидг хан тал оч йовнав...</i>	Еду к богдо Жангару , Владыке страны Бумба...
<i>Газрин өр догдлад одлал.</i> <i>Үүдн тал авч нархм биш! — гижс келнә.</i>	Не нужно передвигать его к двери! » — сказала она.
<i>Шар хавхин үүднд авч ирэд:</i>	Подвели [его] к желтым дверям [дворца]:
<i>Күрл шүтэндән эн</i> <i>Күрэд мөргэд орквл.</i>	Подойдя к бронзовому божеству , Поклонился ему.
<i>Хоңһрин үүдәр ирвл:</i> <i>— Хоңһр та, — гивл—</i>	Подъехал он к дверям [кибитки] Хонгора и крикнул: — Вы, Хонгор, ...

Эпический цикл сказителя Давы Шавалиева	
<i>Арнзлын хурдн Зеердин</i> <i>Бээрдг һазрт күрэд ирхлә...</i>	Прибыл к месту обитания Резвого <i>аранзала</i> Зерде
<i>Усн талнь шахн чавчад,</i> <i>Далан көвэд ээрн бээжс чавча...</i>	К большому морю прижимая, рубили их, На берегу океана, собирая их в кучу, рубили...
<i>Һурвн бум күмни ора деегүр</i> <i>Ик шар тулмта</i> <i>Баатр Бадмин Уланиг хаяд өгв.</i>	Богатырь Хошун Улан Поверх макушек трехсоттысячного войска перескочил, Схватил тулум и снова бросил [Джилгану].
<i>Нээмн миңһн жидин деегүр</i> <i>Дөрвн мөчән күргл уга һәрэддг...</i>	Перепрыгивает он через острия восьми тысяч копий, Не зацепив их конечностями...

В записях первой половины XX в., помимо вышеуказанных форм, уже встречаются имена в форме направительного падежа, выражающие направление действия. Например, в репертуаре Ээлян Овлы в форме направительного падежа встречается местоименное наречие *бий*. Более того, послелог *тал*, который семантически уже несет значение направления действия, также наращивает формант направительного падежа:

Эпический цикл сказителя Ээлян Овлы	
«Би түрүлжэ замин талаһур одсув», — <i>гиж</i> , <i>Бөгн-тошн гүүһэд харв.</i>	«Первым делом в поварскую [букв. в сторону поварской] схожу», — сказав, пригнувшись побежал.
<i>Бум куцгсн цахриннь</i> Өмн бийдһур эргэд...	Стотысячный цахар с юга объехал...
<i>Уру бийдһурнь</i> эргэд, <i>Шидрдс гийһэд күрэд ирв.</i>	Обойдя [кон] сзади , [К мальчику] приблизился он.
<i>Нэгэр алтн ширэн өмн бийдһур</i> <i>Наар цаар хойр йовжэ бээһэд:</i>	Прохаживаясь туда и сюда Перед золотым тронем, [стал говорить]:
<i>Нарн харх суух хойрин хоорндаһур</i> темцэд...	<i>букв.</i> Ехал между восходом и закатом солнца...

Отдельно следует отметить репертуар падеже находим не только местоименные Бадмы Обушинова, где в направительном формы, но и имена существительные.

Песня из репертуара Бадмы Обушинова	
<i>Мууст шидрдэд,</i> <i>Күрч ааихлань</i> <i>Мус үзчкэд,</i> <i>Хойр, хурв сорчкад,</i> <i>Амнур юмн эс оржэ өгэд бээхлән,</i> <i>Гарад ирэд, зулна.</i>	Когда он приблизился к <i>мусу</i> , Стал близко подходить [к нему], <i>Мус</i> , увидев [Джангара], Начал втягивать его в себя, Два–три раза втягивал его. Он не входил в рот . <i>Мус</i> пустился бежать.
<i>Жаңһр тер берүү</i> <i>Довтлад күрч ирнэ</i>	Джангар сам поскакал к той молодой женщине
– <i>Пух! Нарн орх үзгүр харгсн</i> <i>Алг иктэ адунас</i>	Лучшего коня из нашего пегого табуна, Пасшегося в стороне захода солнца .
<i>Нарни үдүр</i> <i>һарад йовна тедн.</i>	Направился в сторону полуденного солнца.
<i>Тедүр оржэ чадхиш.</i>	Но никто не осмелился подойти к ним .

III. В поздневременной записи второй половины XX в. (песня из репертуара Насанка Балдырова) пространственные отношения выражаются посредством употребления дательного-местного, орудного и направительного падежей, а также послелогов *тал* ‘по направлению, к’. Причем имена, помимо аффикса направительного падежа, могут иметь и показатели посессивности. Например:

Песня из репертуара Насанка Балдырова	
<i>Түүнэсн һарад, өндр зандн модна</i> <i>Ора деер суугсн</i> <i>Өлн хордур</i> <i>гүүлгэд күрэд ирнэ.</i>	Оттуда поехал он к пеликану , [что] на высоком сандаловом дереве, На самой вершине сидит.
<i>Дегдэн алтн чикнь</i> <i>Деед Бумбин орн тал</i> <i>Селн хээчлэд бээдг...</i>	Золотистые уши его, Прядают попеременно В сторону страны верховной Бумбы...
<i>Тана зольвн нанд бээһэ!</i> — <i>гийһэд,</i> <i>Гульһад һарһад өгчкэд,</i> <i>Уснурн орад йовад одна.</i>	То, что вы потеряли, имеется у меня! — сказав, Отрыгнула, выбросила [наземь Хонгора], Нырнула в воду , уплыла.
<i>Нарн хархин ар үзг тал харвад оркхлань...</i>	Когда он посмотрел севернее восхода солнца...

Анализ разновременных текстов эпоса «Джангар» показывает, что в ранних записях (первая половина XIX в.) формант направительного падежа *-ур* / *-үр* не употреблялся. Это подтверждается данными грамматик калмыцкого языка, которые вышли параллельно первым записям эпоса «Джангар». Между тем А. Бобровников отмечает частицы особенного производства *-γur*; *-gür* (в калмыцком и разговорном монгольском *-uur*; *-öür*), функционально-семантическое значение которых он определяет как «описывающие путь, по которому совершается движение или образ совершения действия» [Бобровников 1849: 192]. Причем аффикс, этимологически схожий с аффиксом направительного падежа (*-ур*, *-үр*), изначально встречается в наречиях, семантически указывающих направление движения или место.

Первое упоминание о собственно направительном падеже мы встречаем в грамматике разговорного калмыцкого языка В. Л. Котвича [Котвич 1929: 147]. В записях первой половины XX в. (эпический цикл сказителя Ээлян Овлы, эпический цикл сказителя Мукебюна Басангова, эпический цикл сказителя Давы Шавалиева, песня из репертуара Бадмы Обушинова) мы уже встречаем употребление аффикса направительного падежа (*-ур*, *-үр*) в именных словах. Кроме того, к аффиксу направительного падежа присоединяются показатели посессивности (*-н*; *-нь*).

Между тем, интересен факт наличия наречного суффикса (*-γur*; *-gür*; в калмыцком и разговорном монгольском *-uur*; *-öür*), этимологически схожего с аффиксом направительного падежа (*-ур*, *-үр*). Если образование аффикса направительного падежа восходит к послелогу-наречию *uruγu* → *уру* → *руу* (*рүү* / *луу* / *лүү*) → *уур* (*үүр*)^{вниз}, по направлению к [по]?, то как трактовать факт наличия наречного суффикса (*-γur*; *-gür*), изначально встречающегося в наречиях и семантически указывающего направление движения или места? Мы считаем, что это отражение двух встречных процессов в образовании направительного падежа: с одной стороны переход наречного суффикса *-γur*; *-gür* (в калмыцком и разговорном монгольском: *-uur*; *-öür*), с другой стороны — грамматикализация послелога-наречия *uruγu* → *уру* → *руу* (*рүү/луу/лүү*) → *уур* (*үүр*)^{вниз}, по направлению к [no]?

Таким образом, можно сказать, что окончательно направительный падеж сформировался в разговорном калмыцком языке на рубеже XIX–XX вв., в связи с чем, как справедливо отмечает Д.А. Павлов, направительному падежу перешла часть функций дательного-местного и орудного падежей, а также заметно стало сужаться употребление послелога *тал* [Павлов 1976: 33].

Источники

Малодербетовский цикл

- [МД: I] Ут Цаһан Маңһсиг богд Жаңһр дөрөцүлгсн бөлг.
 [МД: II] Күрл Эрднь Маңһс хааг богд Жаңһр дөрөцүлгсн бөлг.
 [МД: III] Догһн Шар Гүргү Маңһс хааг Дуут Улан Шовшур дөрөцүлгсн бөлг.

Багацохуровский цикл

- [БЦ: I] Дуут богд Жаңһр Догһн Хар Кинесиг дөрөцүлгсн бөлг.
 [БЦ: II] Аср Улан Хоңһр Догһн Шар Маңһс хааг эмдэр кел бэрж авч иргсн бөлг.
 [БЦ: III] Догһн Замбл хаана һалзу долан бодһгиг Аср Улан Хоңһр Күнд һарта Савр хойр дөрөцүлгсн бөлг.

Цикл песен из репертуара Ээлян Овла

- [ЭО: I] Хоңһрин гер авлһна бөлг.
 [ЭО: II] Арслһгин Арг Улан Хоңһр Арг Манзин Буурлта, Ээх Догһн Маңһна хаанла бээр бэрлдгсн бөлг.
 [ЭО: III] Баатр Хар Жилһн хаанла бээр бэрлдгсн бөлг.
 [ЭО: IV] Хошун Улан, баатр Жилһн, Аля Шоңһр һурвна бөлг.
 [ЭО: IX] Орчлһгин Сээхн Миңьян Күчтэ Күрмн хааг эмдэр бэрж иргсн бөлг.
 [ЭО: V] Буурл һалзн мөртэ Бульһрин көвүн Догһн Хар Санлын бөлг.
 [ЭО: VI] Дуутхулын ач, Дуутын көвүн Аля Моңхла Жаңһрин түмн нээмин миңһин цусн Зеерд агт көөгсн бөлг.
 [ЭО: VII] Күнд һарта Саврин бөлг.
 [ЭО: VIII] Орчлһгин Сээхн Миңьян Түрг хаани түмн шар-цоохр агт көөгсн бөлг.
 [ЭО: X] Алтн Цееж Жаңһр хойрин бээр бэрлдгсн бөлг.

Цикл песен из репертуара Басһна Муковүн (Мукебена Басангова)

- [БМ: I] Жаңһрин бийиннь түрүн төрән авгсн бөлг.
 [БМ: II] Шар Бирмс хаана дууни нертэ дуулх, довтлхла цөклдг үлд хойриг Хоңһрин авч ирсн бөлг.

- [БМ: III] Ар үзгт бээдг Шар Кермн хаана шур делтэ, сувсн сүүлтэ, сээхн күрн халзн адуг Хоңһрин көөгсн бөлг.
- [БМ: IV] Тавн ор харгсн Так Бирмс хаана замгта нуурин көвэд заядар өгсн долан сай тунжрмудыг Санлын догдлулж көөж авч иргсн бөлг.
- [БМ: V] Аю Манзан Буурлта Ээх Маңна хаана Очн болгсн Уланта Нарни Герл гидг баатрнь Жаңһрахна шижтэ тавн юм сурж иргсн бөлг.
- [БМ: VI] Хоңһрин йисн бер Ягцана орнд оч шимүлгсн бөлг.

**Цикл песен из репертуара Шавалин Дава
(Давы Шавалиева)**

- [ШД: I] Арнзлын хурдн Зеердиг хулха авсна туск бөлг.
- [ШД: II] Азг Улан Хоңһрин гер авлһна бөлг.
- [ШД: III] Ке шар-цоохр мөртэ Кермин көвүн Монхуляла дээлдгсн бөлг.
- [ШД: IV] Оцл Дамбан көк халзн күлгтэ Азг Улан Хоңһр нисдг алг мөртэ Арл Манз хааг даргсн бөлг.
- [ШД: ЖМ] Жаңһрин магтал.

**Песня из репертуара Балдра Наснк
(Насанки Балдырова)**

- [БН: I] Алдр богд Жаңһрахн Ээх Догшн Маңна хаанла бээр бэрлдгсн бөлг.

**Песня из репертуара Овшин Бадм
(Бадмы Обушинова)**

- [ОБ: I] Баатр Улан Хоңһр Авлһн хаанла бээр бэрлдгсн бөлг.

Литература

- Бадмаев В. В. Грамматика калмыцкого языка. Морфология: Пособие. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1966. 115 с.
- Бобровников А. А. Грамматика монгольско-калмыцкого языка. Казань: Университет. тип., 1849. 403 с.
- Грамматика калмыцкого языка. Фонетика и морфология / под ред. Г. Д. Санжеева. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1983. 335 с.
- Котвич В. Л. Опыт грамматики калмыцкого разговорного языка. Изд. 2-ое. Ржевнице у Праги, 1929. 418 с.
- Орловская М. Н. Язык «Алтан тобчи». М.: Наука, 1984. 234 с.
- Павлов Д. А. О системе склонения имен существительных в калмыцком языке // Вопросы грамматики и лексикологии современного калмыцкого языка. М.: Наука, 1976. С. 18–42.
- Попов А. В. Грамматика калмыцкого языка. Казань: Университет. тип., 1847. 392 с.

- Рассадин В. И., Трофимова С. М. О некоторых редких падежах в калмыцком и ойратском языках // Гуманитарный вектор. Чита: Забайкальский гос. ун-т, 2008. № 4. С. 64–66.
- Санжеев Г. Д. Грамматика калмыцкого языка. М.: Изд-во АН СССР, 1940. 156 с.
- Санжеев Г. Д. Старописьменный монгольский язык. М.: Наука, 1964. 90 с.
- Сусеева Д. А. Грамматический строй калмыцкого языка XVIII в.: морфонология и морфология (на материале писем калмыцких ханов и их современников / отв. редакторы: А. В. Дыбо, Э. У. Омакаева. Элиста: КИГИ РАН, 2011. 240 с.
- Тодаева Б. Х. Семантика и синтаксис функции падежей в монголо-ойратских наречиях: Дис. ... канд. филол. наук. М., 1946. 202 с.
- Тодаева Б. Х. Значение и функции падежей в калмыцком языке // Записки КНИИЯЛИ. Вып. 1. Элиста, 1960. С. 163–190.
- Тодаева Б. Х. Послелогии в калмыцком языке // Записки КНИИЯЛИ. Вып. 2. Элиста, 1962. С. 133–147.
- Трофимова С. М. Падежные формы и послеложные конструкции в монгольских языках и их выражение русскими предложно-падежными средствами: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Элиста, 1984. 24 с.
- Трофимова С. М. Падежно-послеложные конструкции монгольских языков и их русские эквиваленты / отв. ред. В. И. Рассадина. Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1989. 94 с.
- Яхонтова Н. С. Ойратский литературный язык XVII в. М.: Вост. лит., 1996. 152 с.

References

- Badmaev V. V. *Grammatika kalmytskogo yazyka. Morfologiya: Posobie* [Kalmyk grammar. Morphology. A text-book]. Elista, Kalm. Book Publ., 1966, 115 p. (In Russ.).
- Bobrovnikov A. A. *Grammatika mongol'sko-kalmytskogo yazyka* [Grammar of the Kalmyk-Mongolian language]. Kazan, Kazan Univ. Press, 1849, 403 p. (In Russ.).
- Grammatika kalmytskogo yazyka. Fonetika i morfologiya / pod red. G. D. Sanzheeva* [Kalmyk grammar. Phonetics and morphology. Edit. by G. Sanzheev]. Elista, Kalm. Book Publ., 1983, 335 p. (In Russ.).
- Kotvich V. L. *Opyt grammatiki kalmytskogo razgovornogo yazyka. Izd. 2-oe* [Grammar of colloquial Kalmyk. 2nd edit.]. Prague, 1929, 418 p. (In Russ.).
- Orlovskaya M. N. *Yazyk «Altan tobchi»* [The language of Altan Tobchi]. Moscow, Nauka Publ., 1984, 234 p. (In Russ.).

- Pavlov D. A. *O sisteme skloneniya imen sushchestvitel'nykh v kalmytskom yazyke* [The noun declension system in Kalmyk]. *Voprosy grammatiki i leksikologii sovremennogo kalmytskogo yazyka* [Modern Kalmyk: questions of grammar and lexicology]. Moscow, Nauka Publ., 1976, pp. 18–42 (In Russ.).
- Popov A. V. *Grammatika kalmytskogo yazyka* [Kalmyk Grammar]. Kazan, Kazan Univ. Press, 1847, 392 p. (In Russ.).
- Rassadin V. I., Trofimova S. M. *O nekotorykh redkikh padezhakh v kalmytskom i oyratskom yazykakh* [About some rare grammatical cases in the Kalmyk and Oirat languages]. *Gumanitarnyy vektor* (Humanitarian Vector journal), Chita, Transbaikal State University Press, 2008, No. 4, pp. 64–66 (In Russ.).
- Sanzheev G. D. *Grammatika kalmytskogo yazyka* [Kalmyk grammar]. Moscow, Publ. House of the USSR Acad. of Sciences, 1940, 156 p. (In Russ.).
- Sanzheev G. D. *Staropis'mennyy mongol'skiy yazyk* [The Old written Mongolian language]. Moscow, Nauka Publ., 1964, 90 p. (In Russ.).
- Suseeva D. A. *Grammaticheskiy stroy kalmytskogo yazyka XVIII v.: morfonologiya i morfologiya (na materiale pisem kalmytskikh khanov i ikh sovremennikov / otv. red.: A. V. Dybo, E. U. Omakaeva* [The grammatical system of the 18th c. Kalmyk language: morphonology and morphology (evidence from letters of Kalmyk rulers and their contemporaries. Edit. by A. Dybo, E. Omakaeva)]. Elista, Publ. Dept. of Kalmyk Inst. for Humanities of the RAS, 2011, 240 p. (In Russ.).
- Todaeva B. Kh. *Semantika i sintaksis funktsii padezhey v mongolo-oyratskikh narechiyakh: Dis. ... kand. filol. nauk* [Semantics and syntax: functions of grammatical cases in Mongolian-Oirat dialects. A Ph.D. thesis]. Moscow, 1946, 202 p. (In Russ.).
- Todaeva B. Kh. *Znachenie i funktsii padezhey v kalmytskom yazyke* [Grammatical cases in the Kalmyk language: meaning and functions]. *Zapiski KNIIYaLI* (Notes of the Kalmyk Institute of History, Language and Literature), iss. 1, Elista, 1960, pp. 163–190 (In Russ.).
- Todaeva B. Kh. *Poslelogi v kalmytskom yazyke* [Postpositions in Kalmyk]. *Zapiski KNIIYaLI* (Notes of the Kalmyk Institute of History, Language and Literature), iss. 2, Elista, 1962, pp. 133–147 (In Russ.).
- Trofimova S. M. *Padezhnye formy i poslelozhnye konstruktii v mongol'skikh yazykakh i ikh vyrazhenie russkimi predlozhno-padezhnymi sredstvami: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [Grammatical case forms and postpositional constructions in the Mongolian languages and ways to express them by Russian prepositional and case means. A Ph.D. thesis abstract]. Elista, 1984, 24 p. (In Russ.).
- Trofimova S. M. *Padezhno-poslelozhnye konstruktii mongol'skikh yazykov i ikh russkie ekvivalenty / otv. red. V. I. Rassadin* [Case-postpositional constructions of the Mongolian languages and their Russian equivalents. Edit. by V. Rassadin]. Novosibirsk, Nauka Publ., 1989, 94 p. (In Russ.).
- Yakhontova N. S. *Oyratskiy literaturnyy yazyk XVII v.* [The 17th c. Oirat language]. Moscow, Vost. Lit. Publ., 1996, 152 p. (In Russ.).

УДК 811.512.37

**НАПРАВИТЕЛЬНЫЙ ПАДЕЖ КАЛМЫЦКОГО ЯЗЫКА
(на материале эпоса «Джангар»)**Евгений Владимирович Бембеев¹, Цаган Дамбаевна Манджиева

¹ кандидат филологических наук, старший научный сотрудник, отдел монгольской филологии, Калмыцкий научный центр РАН (Элиста, Российская Федерация). E-mail: galdma@yandex.ru.

² лаборант, отдел монгольской филологии, Калмыцкий научный центр РАН (Элиста, Российская Федерация). E-mail: mandzhieva.96@mail.ru.

Аннотация: В статье рассмотрено употребление направительного падежа на материале разновременных записей калмыцкого героического эпоса «Джангар». Язык эпоса, являясь языком устно-поэтическим и оказывая влияние на становление норм национального литературного языка, отражает в определенной мере и живой разговорный язык на момент записи и фиксации песен эпоса. В языке эпоса наряду с новыми формами нередко имеют место и архаические черты, которые отражают определенный этап развития языка. Анализ разновременных текстов эпоса «Джангар» показывает, что в ранних записях (первая половина XIX в.) формант направительного падежа *-ур/-үр* не употреблялся. Это подтверждается данными грамматик калмыцкого языка, которые вышли параллельно первым записям эпоса «Джангар». Между тем А. Бобровников отмечает частицы особенного производства *-үир; -гүир* (в калмыцком и разговорном монгольском: *-иир; -öiir*), функционально-семантическое значение которых он определяет как «описывающие путь, по которому совершается движение или образ совершения действия». Причем аффикс, этимологически схожий с аффиксом направительного падежа (*-ур, -үр*), изначально встречается в наречиях, семантически указывающих направление движения или место. Первое упоминание о собственно направительном падеже находим в грамматике разговорного калмыцкого языка В. Л. Котвича. В записях первой половины XX века (эпический цикл сказителя Ээлян Овлы, эпический цикл сказителя Мукебюна Басангова, эпический цикл сказителя Давы Шавалиева, песня из репертуара Бадмы Обушинова) уже встречается употребление аффикса направительного падежа (*-ур, -үр*) в именных словах. Кроме того, к аффиксу направительного падежа присоединяются показатели посессивности (*-н; -нь*). Особенный интерес вызывает факт наличия наречного суффикса (*-үир; -гүир*; в калмыцком и разговорном монгольском: *-иир; -öiir*), этимологически схожего с аффиксом направительного падежа (*-ур, -үр*) и семантически указывающего направление движения или места. Таким образом, можно сказать, что окончательно направительный падеж сформировался в разговорном калмыцком языке на рубеже XIX–XX вв. К направительному падежу перешла часть функций дательного-местного и орудного падежей, а также заметно стало сужаться употребление послелога тал ‘по направлению к [по]’.

Ключевые слова: калмыцкий язык, монгольские языки, эпос «Джангар», склонение, направительный падеж.